
Kipling R. Kim (1901)
Киплинг Р. Собрание сочинений в 6 т.
М., ТЕРРА, 1996. -- 607 с.
Том 1, с. 5-334.
Перевод А. П. Репиной.
OCR: sad369 (6.01.2006).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О, вы, идущие тернистым
Путем ко славе в день суда,
Сочувствуйте молениям чистым
Язычника, чей Бог -- Будда.

Несмотря на запрещение городской управы, он сидел верхом на пушке Зам-Заммах, стоявшей на глиняном постаменте против Аджайб-Гера, Дома Чудес, как называют Лагорский музей. Тот, кто владеет Зам-Заммахом, этим "извергающим огонь драконом", владеет Пенджабом. Большое орудие из позеленевшей бронзы всегда бывает первой добычей победителя.

Кима можно было оправдать до известной степени -- он только что согнал с пушки мальчика Лалы Динаната -- ведь Пенджаб находился во власти англичан, а Ким был англичанин. Хотя он был смугл, как любой туземец; хотя он предпочитал говорить на местном наречии, произнося слова как-то монотонно и певуче; хотя дружил с мальчиками на базаре -- Ким был белый, беднейший из бедных белых. Женщина смешанной касты, присматривавшая за ним (она курила опиум и делала вид, что держит лавочку подержанной утвари у сквера, где стояли дешевые кэбы), рассказывала миссионерам, что она сестра матери Кима; его мать была нянькой в семье одного полковника и вышла замуж за Кимбалля О'Хара, сержанта Меверикского ирландского полка. Впоследствии он получил место на Синдо-Пенджабо-Делийской железной дороге, и его полк вернулся без него. Жена умерла от холеры в Ферозепоре, и О'Хара стал пить и шататься по линии с трехлетним ребенком, у которого были смысленные глазки. Различные общества и капелланы усердно старались захватить ребенка в свои руки, опасаясь за его участь, но О'Хара ловко ускользал от них, пока не встретился с женщиной, курившей опиум; от нее он научился любить опиум и умер, как умирают белые бедняки в Индии. После смерти у него осталось имущество, состоявшее из трех бумаг -- одну из них он называл "ne varietur", потому что эти слова были написаны под его подписью на бумаге, а другую -- "чистой отставкой". Третья бумага была свидетельством о рождении Кима. "Эти вещи, -- говаривал он в свои счастливые часы после курения опиума, -- сделают человека из маленького Кимбалля". Ким не должен был ни под каким видом расставаться с этими бумагами, потому что они составляли орудие волшебства, магии -- той магии, в которой упражняются люди, вон там, за музеем, в большом белом с синим доме "Джаду Гер", Волшебном доме. Он говорил, что со временем все обойдется, и Ким вознесется среди громадных колонн, полных красоты и силы. Сам полковник, красующийся на коне во главе лучшего полка в мире, позаботится о Киме -- маленьком Киме, которому должно жить лучше, чем его отцу. Девятьсот перворазрядных дьяволов, главой которых является Красный Бык на зеленом поле, будут заботиться о Киме, если они не забыли О'Хару, бывшего главного надсмотрщика на Ферозепорской линии. После этих слов он горько плакал, сидя на камышовом стуле на веранде. Когда он умер, женщина зашила пергамент, бумагу и свидетельство о рождении в кожаный чехольчик, который повесила, как амулет, на шею Киму.

-- И когда-нибудь, -- сказала она, смутно припоминая пророчество О'Хары, -- к тебе придет большой Красный Бык на зеленом поле, и явится полковник на большом коне, и -- переходя на английский язык -- девятьсот дьяволов!

-- А! -- сказал Ким. -- Буду помнить. Красный Бык и полковник на лошади явятся, но прежде, говорил отец, придут двое людей, которые расчищают путь для этого. Отец говорил, что они всегда поступают так и что это всегда бывает, когда люди занимаются волшебством.